

ЗЕЛЕНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СЫРЬЕВОМ ГОСУДАРСТВЕ: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Светлана Тулаева, Ярослав Снарский

Светлана Тулаева, департамент географии и исторических исследований, Университет Восточной Финляндии. Адрес для переписки: University of Eastern Finland, P.O. Box 111, 80101 Joensuu, Finland. svelt07@mail.ru.

Ярослав Снарский, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, наб. канала Грибоедова, 123, Санкт-Петербург, 191187, Россия. yaroslav1861@gmail.com.

Часть материалов была собрана по проекту «Diversities of the Environmental Movement and Its Impact on Sustainable Development in Russia» при поддержке Kone Foundation (грант № 202005986).

Рост глобальных экологических проблем и усиление природоохранной риторики в мире привели к осознанию важности экологической проблематики гражданами. Во многих обществах рост интереса к проблемам защиты окружающей среды совпал с усилением национально заряженных дискурсов и привел к появлению зеленого национализма. Под зеленым национализмом понимается движение, ориентированное на природоохранные требования, связанное с продвижением национальных или субнациональных интересов, а также с защитой интересов меньшинства. Зеленый национализм основывается на представлениях о связи определенной социальной группы с окружающей средой и вкладе этой группы в сохранение природы. Здесь оказываются важны экологическая проблематика, территориальная принадлежность и культурное единство. Развитие зеленого национализма может происходить по двум разным сценариям: «сверху – вниз», благодаря усилиям политических элит по формированию гражданского национализма на основе представлений о вкладе нации в решение глобальных экологических проблем, или «снизу – вверх», через актуализацию и защиту интересов меньшинства. Изучение зеленого национализма предполагает рассмотрение следующих вопросов. Как экологическая повестка приводит к усилению национальных дискурсов? Почему в сырьевом государстве возникает и успешно развивается зеленый национализм? Почему инвайронментализм, ориентированный на демократические ценности, оказывается востребован в авторитарных государствах?

Эти вопросы будут рассмотрены в статье на примере тесно связанных с поддержанием национальной или субнациональной идентичности экологических конфликтов и протестов в российских регионах. Основными кейсами для анализа стали протесты против разработки шихана Куштау в Башкортостане (2020) и конфликты

коренных народов Севера с нефтегазовой компанией в Ханты-Мансийском автономном округе (2017). Результаты исследования показывают, что экологическая проблематика становится серьезным инструментом мобилизации общества в случаях, когда такого рода проблемы переплетаются с вопросами национальной/субнациональной идентичности, а также с представлениями о несправедливом распределении природной ренты в обществе. Исследование было выполнено на основе качественной методологии, главными методами стали полуструктурированные интервью с участниками протестов.

Ключевые слова: зеленый национализм; ресурсный национализм; экологические конфликты и протесты; сырьевое государство

ВВЕДЕНИЕ: ПАРАДОКСЫ ЗЕЛЕНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Возрождение национализма в конце XX века произошло под влиянием таких противоречивых процессов, как ослабление национальных государств, усиление локальных идентичностей в контексте политической и культурной глобализации, рост обеспокоенности экологическими проблемами. Обращение к проблемам защиты окружающей среды неожиданно привело к реинкарнации национально заряженных дискурсов и появлению такого политического гибрида, как зеленый национализм (Conversi and Friis Hau 2021; Malloy 2009; Ridanpää 2021). Зеленый национализм апеллирует к чувству национальной общности и гордости на основе идей защиты природы. Он базируется на риторике, обращенной к таким национальным атрибутам, как территориальная принадлежность и культурное единство, а также к экологической проблематике (Conversi 2020; Dawson 1996).

Использование концепции зеленого национализма связано с рассмотрением нескольких парадоксов. Первый парадокс основан на столкновении глобальных и локальных интересов. С одной стороны, инвайронментализм является глобальным движением, ориентированным на решение таких глобальных экологических проблем, как изменение климата, загрязнение морей и океанов, уничтожение лесов и т. п. Экологические проблемы увеличивают взаимозависимость разных стран друг от друга, требуют кооперации правительств и формирования глобальной политической повестки (Ridanpää 2021). С другой стороны, экологическая проблематика создает возможности для усиления национальной или локальной идентичности. Это может выражаться в формировании национальной гордости благодаря вкладу нации в борьбу с глобальными экологическими проблемами. Это же может приводить к усилению национальной или локальной идентичности на основе региональных экологических конфликтов, связанных с защитой определенных природных территорий (Conversi 2020; Doose 2019). Второй парадокс определяется влиянием политического режима на распространение экологической проблематики. Традиционно считается, что экологические ценности успешно формируются и поддерживаются в обществах с демократическим режимом. Однако экологическая проблематика оказывается востребованной и при авторитарных политических режимах. В ситуации, когда открытый политический протест невозможен, движения, выступающие за политическую автономию и национальную независимость, могут принимать форму экологических протестов. Ряд исследователей по-

казывают, что многие экологические протесты в Советском Союзе и на постсоветском пространстве по сути являлись суррогатами националистических требований признания независимости или укрепления автономии. Экологические требования никогда не рождались только из обеспокоенности экологией и были связаны с политическими, экономическими и культурными особенностями развития общества, а также с проблемами легитимности власти (Dawson 1996; Doose 2019; Wooden 2013). Например, эстонское национальное движение было связано с требованиями создания национального парка Lahemaa (основан в 1971 г.) (Lubarda 2018). Другой причиной роста общественного интереса к экологической проблематике в Советском Союзе стало то, что политическая сфера была дискредитирована авторитарными инструментами управления, экология между тем представлялась полем деятельности настоящих гражданских активистов. Третий парадокс связан с особенностями восприятия природных ресурсов в сырьевых государствах. С одной стороны, природные ресурсы в таких обществах являются основой экономического благополучия, что легитимирует потребительскую логику обращения с природой (Эткин 2013). С другой – в сырьевых государствах обычно подчеркивается значение природы как национального достояния, что способствует развитию природоохранной деятельности.

В современной России мы также можем наблюдать рост экологических конфликтов (Clardie 2022; Plantan 2018; Роирип 2021). При этом зачастую экологические требования сочетаются с требованиями защиты политических и культурных интересов меньшинств. Так, в Башкортостане в 2020 году движение в защиту шихана Куштау последовало за сокращением полномочий национальной автономии, а одной из мобилизующих структур, продвигавшей экологические требования, стало национальное движение «Башкорт». Для защитников Куштау тема сохранения земли предков и связь с культурой и традициями башкир были особенно важны. Выступления коренных народов Севера против промышленного освоения их территорий, случавшиеся в разные годы в российских регионах (в конце 1990-х годов в Ямало-Ненецком автономном округе, в 2005–2006 годах на Сахалине, в 2015–2017 годах в Ханты-Мансийском автономном округе), также были вызваны экологическими проблемами и вопросами сохранения национальной культуры. Коренные жители увязывали вопрос сохранения природных территорий с возможностью вести традиционный образ жизни и, соответственно, сохранить свою национальную культуру и язык (Balzer 2010; Stammer and Peskov 2008). Их протесты активно поддерживались такими экологическими организациями, как «Гринпис», «Экологическая вахта Сахалина», Environment Pacific. Жители Архангельской области во время протестов против строительства мусорного полигона в 2019 году также обращались к своей локальной идентичности поморов, традиционно связанных с морем и ловлей рыбы. Это обстоятельство нашло отражение в одном из наиболее распространенных лозунгов протеста – «Поморье без помойки». Таким образом, экологическая проблематика оказывается все более востребованной в российских регионах, с одной стороны, под влиянием общемировой обеспокоенности состоянием окружающей среды, с другой – в условиях отстаивания своих культурных и политических прав отдельными группами.

Все это ставит перед нами ряд вопросов. Как национализм, ориентированный на партикулярные интересы, соотносится с глобальной проблематикой инвайронментализма? Как экологическая повестка приводит к усилению национальных дискурсов? Почему в сырьевом государстве возникает и успешно развивается зеленый национализм? В представленном здесь исследовании перечисленные проблемы рассматриваются на примере анализа экологических конфликтов и протестов, связанных с национальной/субнациональной идентичностью в российских регионах. Это позволило объяснить роль экологической тематики в условиях сырьевого государства и авторитарных тенденций в управлении. Кроме того, это помогло показать, как происходит политизация экологической повестки «снизу» через обращение к вопросам национальной/субнациональной идентичности. Исследование было выполнено на основе качественной методологии, ключевыми методами стали полуструктурированные интервью с участниками экологических протестов. Результаты исследования изложены в следующей последовательности: вначале рассмотрены различные подходы к пониманию зеленого национализма; далее предпринят обзор факторов, определяющих особенности властных отношений и гражданской активности в российских регионах; затем приведен анализ кейсов; в заключительной части авторы формулируют ответы на поставленные исследовательские вопросы.

ЗЕЛЕНый НАЦИОНАЛИЗМ VS. РЕСУРСНый НАЦИОНАЛИЗМ

Национальная идентичность понимается как чувство принадлежности к группе, связанной историческим и культурным единством (Calhoun 1993; Smith 1979; Tishkov 1997, 2008). Согласно Энтони Смиту представления об исторической и культурной общности включают в себя привязанность к природным территориям и пейзажам, которые также выступают в качестве мобилизующей силы национализма (Smith 1998). Доступ к природным богатствам часто использовался как одно из оснований для формирования коллективной принадлежности и являлся одним из инструментов конструирования идеи национальной исключительности (Etkind 2011, 2014). В соответствии с такой логикой природные особенности той или иной страны наделяли людей, проживающих на ее территории, определенными схожими чертами характера (Radkau 2009). Однако апелляция к природным ресурсам в процессе формирования национального самосознания может строиться на двух противоположных основаниях. В одном случае речь идет о создании идеи национальной идентичности на основе потребления природных ресурсов и освоения природных территорий, что получило название «ресурсный национализм» (Брагинский 2008; Рогов 2014; Pryke 2017; Wilson 2015). В другом случае это конструирование представлений о своей идентичности на основе защиты и сохранения природных ресурсов – его обозначают термином «зеленый национализм» (Fowler and Jones 2005; Margulies 2021).

Ресурсный национализм выстраивается государством «сверху вниз». Он сопровождается выдавливанием иностранных компаний из отрасли и национализацией добывающих предприятий. Государства, обращающиеся к ресурсному наци-

онализму, оперируют не только идеями национальной безопасности, но и идеями борьбы за роль сверхдержавы (Эткинд 2013; Pryke 2017). В конце XX – начале XXI века некоторые страны начали выстраивать идею национального превосходства, базируясь на обладании энергоресурсами. В качестве примера здесь может служить идея «нефтяного меча» Саудовской Аравии (Брагинский 2008). В ряде стран дискурсы, связанные с национальным строительством и национальной идентичностью, включали в себя гордость за «черное золото» и охватывали весь спектр деятельности по добыче, переработке и продаже нефти, включая риски и материальное благополучие, которое приносила нефть. Особенно это характерно для наций со сравнительно слабой идентичностью и короткой историей. Примерами могут служить Казахстан или Саудовская Аравия. Однако в России, где нефть также является основой материального благополучия, она не воспринимается самими гражданами как важная составляющая национальной идентичности. Эксперты объясняют это тем, что национальная идентичность россиян базируется на более сильных и давних основах, в то время как нации с более слабой идентичностью и короткой историей легко вплетают нефть в свой национальный нарратив. Кроме того, представления о значимости нефти амбивалентны в сознании россиян и ассоциируются не только с представлениями о России как об энергетической сверхдержаве, но и как о сырьевом придатке (Rutland 2015).

В конце XX века усилились противоположные процессы, связанные со стремлением укрепить свою национальную/субнациональную идентичность за счет обращения к вопросам, связанным с защитой природы. Столкновение национализма с глобализацией обусловило развитие зеленого национализма, подчеркивающего связь между принадлежностью к определенной социокультурной группе и окружающей средой (Ridanpää 2021). Под зеленым национализмом понимается движение, ориентированное на природоохранные требования, связанные с продвижением национальных или субнациональных интересов, а также с защитой интересов меньшинства (Conversi 2020; Dawson 1996; Podoba 1998; Rimmel and Jopuks 2021).

Зеленый национализм может развиваться по двум основным сценариям: на основе гражданского национализма, связанного с развитием общегражданских прав и ценностей, и на основе этнического национализма, связанного с актуализацией локальной идентичности и защитой интересов меньшинства (Margulies 2021). В первом случае важными оказываются глобальные дискурсы (например, дискурс о климатических изменениях), к которым обращаются политические элиты для конструирования общенациональной идеи. Тут национальные государства успешно адаптируют глобальный дискурс инвайронментализма для поддержания идеи национальной общности. Примером является зеленый национализм в Финляндии или Германии, здесь он базируется на национальной гордости за вклад нации в борьбу с климатическими изменениями (Ridanpää 2021). Так, в последние десятилетия в Финляндии создается новый национальный миф об исторических корнях экологически ответственного финского общества. Понятие «мы» выстраивается на основе историй о многовековом бережном отношении финнов к природе и их вкладе в мировую борьбу с климатическими изменениями. Другим приме-

ром является национальное движение в Новой Зеландии, выступавшее в 2010–2014 годах против глубинной нефтедобычи в море. Активисты движения опирались на эколого-национальные основания идентичности для того, чтобы оспорить подходы правительства к управлению природными ресурсами и представления об ответственной нефтедобыче (Simpson 2010).

Во втором случае на первый план выходят локальные группы, отстаивающие собственную культурную и национальную самобытность. В последние десятилетия многие национальные движения в разных странах пытались узаконить свои претензии со ссылкой на инвайронментализм. Такой сценарий развития зеленого национализма предполагает не столько сплочение граждан всей страны под знаком зеленой проблематики, сколько отстаивание интересов меньшинства внутри государства или союзного объединения (Conversi and Friis Hau 2021; Doose 2019; Kee 2011; Malloy 2009). Апелляция к природным ресурсам используется здесь для отстаивания своей политической автономии или продвижения субнациональных или локальных интересов внутри страны. При этом описанные процессы могут направляться как «сверху» местными политическими элитами, так и инициироваться «снизу» рядовыми гражданами.

Примером продвижения экологической повестки местными политическими элитами может служить шотландский национализм XX века. Он опирался на романтические рассказы о природе, был нацелен на то, чтобы создать образ Великобритании как нерадивого хозяина, складирующего на территории Шотландии отходы и загрязняющего ее природу (Fowler and Jones 2006). Подобную риторику использовала Шотландская национальная партия, критикуя размещение в Шотландии ядерных хранилищ (Kee 2011). Антиядерные движения в советских республиках (в Литве, Татарстане) в конце 1980-х годов были связаны со стремлением отстоять автономию от Москвы, повысить статус региона и упрочить собственный суверенитет (Doose 2019). Одна из основательниц концепции зеленого национализма Джейн Даусон считает, что антиядерная активность в этих республиках была суррогатом национализма, приемлемым способом для местных политических элит выразить свое несогласие с имперской позицией Москвы. Тем не менее в Татарстане экологические и антиядерные протесты не были сильно связаны с этническим национализмом. Первоначально движения были основаны на гражданском национализме, не имевшем сильной привязки к этническим категориям. Однако впоследствии значимыми стали именно этнические основания. Так, в Татарстане исследователи отмечали слабую, но заметную связь между усилением татарской национальной идентичности и антиядерной мобилизацией. Это может свидетельствовать о том, что антиядерное движение сыграло значительную роль в возрождении национального самосознания (Dawson 1996).

Другим вариантом актуализации экологической проблематики через обращение к вопросам национальной/субнациональной идентичности могут служить низовые протесты местных жителей, которые защищают свои земли, являющиеся основой самого их существования (Lubarda 2018). В качестве мобилизующего фактора здесь выступают локальные экологические проблемы, вызванные стремлением противостоять промышленному освоению территорий. Примером таких

конфликтов могут служить выступления саамов в Финляндии против строительства железной дороги в 2015–2020 годах. Дорога, с точки зрения протестующих, угрожала их национальной культуре и образу жизни (Nysten-Haarala 2018).

Таким образом, развитие зеленого национализма может быть обусловлено усилением значимости глобальных экологических ценностей, ростом обеспокоенности локальными экологическими проблемами, необходимостью продвижения интересов меньшинства и сохранения национальной культуры или автономии. В фокусе нашего исследования будут находиться конфликты, связанные с политизацией локальной экологической повестки «снизу» через обращение к вопросам национальной/субнациональной идентичности в российских регионах. Здесь важно обратиться к исследованиям, объясняющим особенности властных отношений и гражданской активности в России на региональном уровне и в условиях сырьевой зависимости.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СЫРЬЕВОМ ГОСУДАРСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Под сырьевым государством понимается страна, в экономике которой основное место занимает добыча и экспорт природных ресурсов. Доля природной ренты в ВВП России составляет 13,5%, что позволяет отнести ее к сырьевым государствам¹. Многие исследователи говорят о том, что сырьевая зависимость определяет формирование политических институтов, стимулируя развитие авторитарного политического режима и подавляя гражданскую активность (Gelman 2011). Государство может «покупать» поддержку граждан, увеличивая социальные трансферы населению за счет перераспределения ресурсной ренты (Росс 2015:167). При этом возрастают ожидания граждан в отношении социальных функций государства и его патерналистской опеки (Гельман 2015; Заостровцев 2010). Природа в таком контексте рассматривается как средство извлечения ресурсов для поддержания национального благосостояния и политической стабильности, что предполагает потребительскую логику обращения с ней и усиление государственного контроля над гражданами.

Большинство исследователей полагают, что наличие сырьевой ренты способствовало установлению в России неопатримониальных отношений между федеральным центром и регионами (Гельман 2015; Заостровцев 2010). Неопатримониализм понимается как способ господства, основанный на присвоении публичной власти в частных целях. Это подразумевает контроль над основными политическими и экономическими ресурсами с целью извлечения ренты; наличие иерархической системы управления (вертикали власти); доминирование неформальных институтов; низкий уровень автономии региональных акторов по отношению к федеральному центру (Гельман 2015). Региональные политические элиты в обмен на свою подотчетность и лояльность получают доступ к ресурсам. При этом крупные добывающие компании также оказываются встроены

¹ “World Development Indicators,” World Bank, 2019, <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.TOTL.RT.ZS>.

в систему неопатримониальных отношений, выполняя часть социальных функций в регионах и получая взамен беспрепятственный доступ к сырью. Решение компаниями части социальных проблем в российских регионах легитимирует их деятельность в глазах местных жителей, а социальные трансферы от компаний снижают уровень недовольства. Особенно это характерно для нефтедобывающих регионов, что привело там к распространению дискурса «дойти нефтяников» (Tulaeva and Nysten-Haarala 2019). В ситуации конфликта федеральный центр может прибегать к стратегиям атрибуции ответственности, которые достаточно распространены в контексте неопатримониальных отношений. Они сводятся к переложению вины федеральным центром на региональных акторов, что в свою очередь может выражаться в делегировании дополнительных полномочий региональным игрокам в случае принятия непопулярных мер, в декларативной поддержке недовольного населения центром и критике действий региональных политических элит или корпораций. В условиях неопатримониализма и региональные власти, и добывающие компании должны демонстрировать свою подотчетность центру и поддерживать стратегии федерального центра, направленные на смягчение общественного недовольства. Таким образом, встроенность добывающих корпораций в систему неопатримониальных отношений с федеральным центром осложняет выступления местных жителей против промышленного освоения их территорий. При этом чем сильнее компания встроена в систему неопатримониальных отношений с властью, тем труднее местным жителям добиться успеха в противостоянии с ней. Ряд исследователей называют плотность неопатримониальных связей между властью и компанией решающим фактором, объясняющим (не)успех движения в системе неопатримониальных отношений (Young 2019).

Доминирование интересов добывающих компаний над экологическими требованиями местных жителей в российских регионах также может поддерживаться за счет увязывания региональной идентичности с добывающей промышленностью (Rutland 2015). Руководители этнических республик – Татарстана и Башкортостана – в середине 2000-х годов использовали контроль над нефтяными богатствами своих регионов для консолидации собственных политических машин и включили нефть в дискурс об этнической и религиозной самобытности своих народов. Нефть использовалась ими как практическое и идейное средство утверждения своего суверенитета по отношению к Москве (Sharafutdinova 2011). Дуглас Роджерс, исследовавший корпоративную социальную политику компании «ЛУКОЙЛ» в Пермском крае, описывал успешный опыт компании по «вплетению» нефти в региональные нарративы в процессе формирования местной социальной и культурной жизни. Роджерс подробно анализировал, как «ЛУКОЙЛ» внедрялся в местные сообщества, финансируя «нефтяными деньгами» культурные мероприятия и возрождая «традиционную культуру» (Rogers 2015). Другими примерами формирования региональной идентичности россиян на основе доступа к природным ресурсам могут служить алмазы в Якутии, уголь в Кемерово, металлы в Вологодской области, апатиты – в Мурманской, нефть – на Сахалине (Rutland 2015).

Таким образом, несмотря на то, что в последние годы исследователи отмечают возросшую обеспокоенность россиян экологическими проблемами, сама по себе экологическая проблематика далеко не всегда способна мобилизовать население на протест в условиях господства неопатримониальных отношений и сырьевой зависимости (Wooden 2013). Однако в ситуации переплетения экологической проблематики с вопросами национальной идентичности экологические проблемы могут привести к серьезному противостоянию между местными сообществами и добывающими компаниями в регионах (Balzer 2010; Stammer and Peskov 2008; Wilson 2006). Исследователи выделяют несколько важных условий, способствующих этому. Одним из факторов является осознание местными жителями серьезного риска для своего образа жизни. Как правило, речь идет об изъятии или загрязнении части территорий вследствие промышленного освоения (Balzer 2010). При этом важность природной территории может быть обусловлена не столько экологическими аспектами, сколько ее культурно-исторической и религиозной значимостью для местных жителей. Так, конфликты из-за промышленного освоения природных территорий в Якутии в 2000-х годах были связаны с расположенными там священными для коренных жителей местами (Balzer 2010). Неравномерное распределение сырьевой ренты может вести к протестам местных жителей, которые считают, что их территории используются для обогащения компаниями, а самим жителям остается загрязненная природа (Wilson 2006). Наличие в регионе экологической или национальной неправительственной организации, способной координировать действия протестующих, увеличивает масштаб движения. В ходе протестов коренных народов на Сахалине против нефтегазовых компаний «Эксон» и «Сахалинская энергия» в 2005–2007 годах важную мобилизующую роль сыграло НПО «Экологическая вахта Сахалина» (Wilson 2006). В то же время были случаи, когда требования международных экологических организаций входили в противоречие с интересами коренных жителей в отношении использования одной и той же природной территории (Jones 2019). Наконец, еще одним важным фактором может быть отсутствие или неэффективность правовых механизмов, которые бы гарантировали защиту интересов меньшинства (Tulaeva and Tysiachniouk 2017). При этом особенности обращения к вопросам национальной культуры могут значительно варьироваться в российских регионах, что обусловлено разнообразными формами институционализации этничности, которые используются Российским государством. Так, апелляция к важности сохранения национальной культуры в этнических республиках будет значительно отличаться от интерпретации этой проблемы в этнически немаркированных регионах (Rutland 2010; Yusupova 2018). Возможности отстаивания своих культурных и политических прав у коренных народов, признанных государством, будут шире, чем у коренных народов, которые такого признания со стороны государства не имеют. Результатом констелляции всех этих факторов может стать развитие зеленого национализма. Более подробно особенности формирования этого феномена будут рассмотрены в работе на анализе двух случаев.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование было выполнено на основе качественной методологии (Hennink, Hutter, and Bailey 2020). Ключевой исследовательской стратегией было case study. Были выбраны следующие кейсы: конфликт между представителями коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и нефтегазовой компании в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО, ХМАО – Югра) в 2015–2017 годах и протесты против разработки горы Куштау в Башкортостане в 2020 году. В обоих случаях экологические требования тесно переплетались с вопросами национальной и культурной идентичности. В то же время степень охвата была разной: в первом случае конфликт был локальным, носил более скрытый характер, во втором случае – более широкие выступления, охватившие значительную часть населения республики. Основными методами исследования были интервью и анализ документов. Интервью были взяты у участников конфликта в ХМАО (всего 30 респондентов) и у участников протестов в Башкортостане (40 респондентов). Респонденты подбирались методом «снежного кома» на основе их включенности в изучаемые конфликты. Все интервью были транскрибированы и проанализированы методом тематического и осевого кодирования. Были выделены следующие категории для анализа: экологические, культурные, этнические, экономические мотивы участников конфликта; взаимодействие участников конфликта с представителями компаний и власти; стратегии участников конфликта; результаты конфликта. Данные, полученные из интервью, сопоставлялись с информацией из СМИ. Это позволило реконструировать значимость экологической и национальной проблематики для участников конфликтов, а также условия, при которых эти вопросы актуализируются.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОТЕСТЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА НУМТО В ХМАО – ЮГРЕ

ХМАО – Югра входит в состав Тюменской области. Его административным центром является город Ханты-Мансийск. По уровню экономического и социального развития округ занимает третье место в рейтинге российских регионов. Основой благополучия округа является нефтедобыча. Население округа составляет 1 655 074 человека². На территории округа проживают коренные северные народы: ханты, манси, ненцы. Они составляют около 2% всего населения округа (30 тысяч человек). Многие из них ведут традиционный образ жизни, занимаются охотой, рыболовством, оленеводством. Несмотря на свою малочисленность, коренные народы имеют собственное представительство – Ассамблею коренных народов ХМАО, которая осуществляет работу в структуре Думы ХМАО. Ее задачей является представ-

² См. официальный сайт ХМАО, <https://admhmao.ru/dokumenty/>.

ление интересов коренного населения³. Благодаря работе Ассамблеи округ имеет одно из лучших региональных законодательств, защищающих права коренного населения. Так, в округе действует закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», регулирующий доступ компаний к территориям, являющимся исконным местом проживания коренных народов (см. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28 декабря 2006 г. № 145-оз⁴). Однако наличие разработанной законодательной базы не всегда позволяет успешно урегулировать возникающие конфликты. При реализации законов на практике некоторые требования не всегда выполняются.

В 2015–2017 годах в ХМАО обострился конфликт между представителями КМНС и нефтегазовой компанией «Сургутнефтегаз». Причиной конфликта стали разработки на территории национального парка «Нумто» в Белоярском районе. Национальный парк был создан в 1997 году и занимает территорию в 550 тысяч гектаров. Ему был присвоен статус заказника, и любые хозяйственные работы на его территории были запрещены. На территории парка находятся уникальные водно-болотные угодья, здесь проживает большое количество краснокнижных видов животных. Там же расположено более 60 памятников этнической культуры – священных мест и кладбищ. Наибольшее значение местные жители придают озеру Нумто, которое считается священным. На языке хантов оно называется Небесным озером. Согласно легендам, верховный бог хантов Нум спускался здесь на землю. В центре озера расположен остров, где коренные жители совершали обряды и жертвоприношения. В 2016 году руководство ХМАО приняло решение разрешить добычу нефти в природном парке и одобрило его новое зонирование, по которому на большей половине территорий национального парка разрешалась нефтедобыча. Это вызвало возмущение коренных жителей, стремящихся сохранить часть своих земель от промышленного освоения. Промышленное освоение этих территорий ставило под угрозу традиционное природопользование: «Конечно, тогда уже всё, и вода и всё на свете, рыба же уже водиться же не будет. Рыба же любит чистоту, а они же тут нагадят, разольют нефть» (информант 1, ХМАО, 2017). На стороне коренного населения выступило российское отделение «Гринпис», в сфере интересов которого находилась защита особо охраняемых природных территорий. Эксперты российского отделения «Гринпис» обсуждали возникшую проблему с местными жителями и предлагали ряд правовых инструментов для ее решения.

Экологические требования жителей о сохранении природных территорий были тесно переплетены с вопросами их этнической и культурной самобытности. Коренные жители подчеркивали важность природных территорий для сохранения

³ Официальный сайт Думы ХМАО – Югры, <https://www.dumahmao.ru/assemblyoftherepresentativesofthenorth/>.

⁴ Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28 декабря 2006 г. № 145-оз. «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», Консультант Плюс, <https://docs.cntd.ru/document/446491896>.

их традиционного образа жизни, религии и культуры: «Наша территория сокращается, и если нам не принимать мер в срочном порядке, то нас ждет исчезновение. Как мне отец передал землю, так и я своим детям хочу» (информант 2, ХМАО, 2017). В интервью респонденты упоминали о проблеме сохранения национального языка, связанного с их традиционной средой обитания: «Для языка нужны условия: быт, где он употребляется, традиционная земля» (информант 6, ХМАО, 2017). Конфликт с компанией также подпитывался отсутствием уважения со стороны отдельных сотрудников компании к коренным этносам: «Как-то один раз я выхожу со столовой, подъехала машина, я поняла, что этот работник работает здесь... А я была в малице, и он мне кричит: "Эй! Индеец, подойди сюда!"» (информант 3, ХМАО, 2017).

Другой важной причиной поднявшейся волны возмущения стали представления жителей о несправедливом распределении ресурсов. Так, по мнению респондентов, компенсации, которые выплачивают нефтяники местному населению, ничтожны по сравнению с доходами, которые они получают от добычи нефти на его территории. При этом в интервью подчеркивался приоритет ценности родной земли над материальными благами, получаемыми от компании:

Нефтяники сейчас заключают договора помощи, например, привозить и отвозить тебя, а ты подписываешь договор, что я буду заезжать на твои угодья. Как у индейцев ни за что несметные богатства покупали (информант 4, ХМАО, 2017).

Многих можно купить, но многие же не хотят, что мы оставим своему будущему поколению? Чтоб они потом сказали: «Наши деды всё продали, всё» (информант 5, ХМАО, 2017).

Наконец, еще одной причиной конфликта стало исключение местных жителей из процесса принятия решений, затрагивающих их среду обитания. Несмотря на наличие существующих правовых требований в отношении соблюдения прав коренного населения, а также природоохранных требований, компания смогла их обойти. «Есть люди, которые приехали и не знают культуру и быт хантов, а хотят управлять и принимать решения» (информант 5, ХМАО, 2017).

Основные стратегии протестующих были связаны с приданием этому случаю публичной огласки и использованием процедуры жалоб на компанию и обращение в органы власти. Поскольку «Сургутнефтегаз» работает с международными партнерами, для его репутации на международных рынках конфликт с коренными жителями может стать разрушительным. Вмешательство в конфликт «Гринпис», обладающего необходимыми знаниями в сфере природоохранного законодательства, способствовало использованию правовых механизмов. «Гринпис» обратился в Генеральную прокуратуру РФ с жалобой на противоправные действия компании. Основанием послужило то, что государственная экологическая экспертиза при вынесении этого решения не была проведена, не было учтено также мнение представителей КМНС. Тогда же представители коренных народов при поддержке «Гринпис России» опубликовали письмо в Минприроды РФ и к региональным должностным лицам с просьбой спасти природный парк от нефтяников. Было от-

правлено более 30 тысяч обращений в региональный департамент Минприроды. Также было опубликовано обращение представителей коренных народов к Владимиру Путину – жители просили сохранить значимые для них места⁵. Кроме того, случались небольшие стычки между отдельными представителями коренного населения и менеджерами компаний, но они носили единичный характер⁶.

Под давлением требований местного населения и «Гринпис» в 2017 году были проведены общественные слушания по вопросам нового зонирования. При этом большинство коренных жителей, проживавших в районе озера Нумто, на слушаниях опять не присутствовали, многие узнали о них уже после завершения. В 2017 году руководством округа было объявлено об урегулировании ситуации и достигнутом между участниками конфликта компромиссе. Было заявлено, что территории, отведенные для нефтедобычи на территории парка, сократят на 18%; заповедная зона вокруг священного озера будет увеличена в два раза; будут учтены интересы местных жителей, с которыми согласуют границы выпаса оленей, а также размеры материальной помощи и вопросы развития социальной инфраструктуры. В целом руководство компании и региональные власти смогли урегулировать возникший конфликт. Этому способствовало несколько факторов. Компания является одним из ключевых игроков в округе, пополняя региональный бюджет и активно участвуя в развитии его социальной инфраструктуры. Она заключает соглашения о социальной поддержке с местными администрациями, в рамках которых жителям поселков оказывается социальная помощь. Поэтому в глазах многих местных жителей компания воспринимается как один из основных источников их благополучия. Кроме того, компания оперативно среагировала на возмущение местных жителей и постаралась урегулировать конфликт через проведение встреч с населением и заключение дополнительных соглашений о социальной поддержке. Само коренное население в районе – немногочисленное. Так, население села Нумто, ближайшего к священному озеру, составляет 300 человек. Кроме того, большинство коренного населения не готово к самоорганизации и открытым выступлениям. Связи между Ассамблеей коренных народов ХМАО или их ассоциациями с коренными жителями на местном уровне практически отсутствуют. Все это способствовало затуханию конфликта.

ЗАЩИТА ШИХАНА КУШТАУ В БАШКОРТОСТАНЕ

Башкортостан – одна из республик в составе Российской Федерации. Руководителем региона является глава республики, который избирается всенародным голосованием. Законодательный орган представлен Государственным собранием – Курултаем. Статус республики предполагает учет культурно-исторических и национальных особенностей территории. В Башкортостане проживают 4 013 786

⁵ Ольга Никитина, «Малочисленные народы просят Владимира Путина защитить болото от нефтяников», *Коммерсант*, 23 декабря 2016 г., <https://www.kommersant.ru/doc/3181052>.

⁶ Елена Костюченко, «Боги болот никого не отпускают», *Новая газета*, 27 мая 2016 г., <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/27/68753-bogi-bolot-nikogo-ne-otpustyat>.

человек⁷. Доля русских в этнической композиции республики составляет 36%, в то время как доля башкир и татар – 29,5% и 25,4% соответственно⁸. Титульной нацией являются башкиры, исторически проживающие на этой территории. Башкирский язык, наряду с русским, является государственным языком республики⁹. Башкортостан считается экономически развитым и привлекательным для инвесторов регионом. Основными видами промышленности здесь являются нефтепереработка и нефтедобыча; развиты сельское хозяйство и лесоперерабатывающая промышленность.

Одной из особенностей природного рельефа Башкортостана является горный массив, представляющий собой цепь древних коралловых рифов. Эти одиночные горы с правильными склонами и вершиной получили название *шиханов*. Всего на территории Башкортостана находится четыре шихана – Шахтау, Торатау, Юрактау и Куштау. Поскольку шиханы состоят из известняка, используемого при производстве соды, они не раз становились объектом интереса местных промышленников. Ввиду этого в разное время над Торатау, Юрактау и Куштау нависала угроза промышленной разработки. Запасы известняка Шахтау были практически исчерпаны еще в советский период в результате более чем полувековой промышленной деятельности местных производственных объединений. Это породило так называемую сырьевую проблему Башкирской содовой компании (БСК). Компания была учреждена в результате объединения ОАО «Сода» и ОАО «Каустик» в 2013 году. В результате слияния контрольный пакет акций стал принадлежать АО «Башкирская химия»¹⁰. В ряде случаев это определило расхождение в интересах между правительством республики и руководством компании. На протяжении долгого времени попытки БСК начать промышленную разработку новых шиханов вызывали общественное недовольство, которое вылилось в ряд протестных акций.

Причин сопротивляться разработке башкирских шиханов у местного населения было несколько. Прежде всего, в представлениях жителей шиханы являются одним из символов республики, ее богатства и независимости. Легенды и предания о шиханах вплетены в культурный и исторический нарратив титульной национальности республики и воплощают истоки местной государственности. В соответствии со сложившимся эпосом существование этих гор обеспечивает существование башкирского народа: «Это сакральные, святые горы, которые символ, символ Башкортостана, один из символов Башкортостана» (информант 7, Башкортостан, 2021).

С одной стороны, прошлое воспринимается представителями титульной национальности как альтернатива неработающим и дискредитированным политиче-

⁷ Сайт Федеральной службы государственной статистики, <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

⁸ Официальный сайт Республики Башкортостан, <https://www.bashkortostan.ru/>.

⁹ Закон РБ № 216-з от 15 февраля 1999 г. «О языках народов Республики Башкортостан», <https://docs.cntd.ru/document/935103425>.

¹⁰ Ольга Мордюшенко, «БСК вернулась государству», *Коммерсант*, 1 марта 2021 г., <https://www.kommersant.ru/doc/4711482>.

ским институтам: «Я башкир. Для меня шиханы – это святые места. Это что Торатау, который стоит поблизости к нашему городу, городу Ишимбаю. Он для нас священный как бы. Потому что, ну, если вы знаете, курултаи проходили там, старейшины когда-то собирались там и проводили свой Курултай» (информант 11, Башкортостан, 2021). Упоминание курултаев, собиравшихся на священной земле, отсылает к былой самостоятельности, которой обладала эта этническая группа. Такие представления о раннем политическом устройстве приобретают особую значимость, когда действующая региональная легислатура не вызывает доверия и не воспринимается как отражающая интересы жителей: «По идее, вот этот Курултай никому не нужен. Все говорят так. Курултай, он никому не нужен, он – дублирующее звено Москвы» (информант 17, Башкортостан, 2021).

С другой стороны, шиханы имеют интегративное значение для всего народа республики, объединяя людей разных национальностей. На основании культурной ценности шиханов выстраиваются субнациональные связи между разными этническими группами республики: «Они тронули символ, который объединяет не только башкир, но и вообще всех жителей республики» (информант 10, Башкортостан, 2021). В представлении жителей шиханы имеют куда более высокую ценность как туристический и рекреационный объект, чем как потенциальное сырье для выработки известняка. Они узнаваемы за пределами республики, выступают в качестве одного из символов современного Башкортостана.

Информанты указывают на важную роль шиханов для сохранения местной экосистемы, поскольку они являются средой обитания для эндемичных и краснокнижных видов животных и растений: «Эти шиханы есть только в Австралии такие, и у нас в Башкортостане. Больше их нигде нет. Со своей экосистемой, со своими краснокнижниками. Ну, как так можно на него руки поднимать?» (информант 11, Башкортостан, 2021). Научные обоснования необходимости сохранения биоразнообразия шиханов усилили в глазах активистов значимость экологического вреда, который мог быть нанесен природе. В частности, утверждалось, что уникальные сообщества живых существ, образовавшиеся на известняковых породах, значительно отличаются от характерных для Башкортостана степных видов. Кроме того, указания на негативные последствия разработки для местных жителей и их образа жизни дополняли научные объяснения: «Эту нашу гору омывает река Белая. Она прям проходит, омывает ее, подножие горы. Дело в том, что река Белая – это одна из наших рек, питьевая река, основная» (информант 13, Башкортостан, 2021). Так, представления об экологических последствиях разработки Куштау для жителей республики были сильно переплетены с культурными нарративами, существующими вокруг этих шиханов, а также с их сакральным статусом в представлении башкир.

Помимо экологического и национального мотивов участия в защите Куштау активизировались представления о социальной несправедливости в отношении граждан республики. В частности, представление о несправедливом распределении выгод и издержек выразилось в неприятии существующих методов работы БСК и недовольстве отсутствием работающих норм корпоративной социальной ответственности:

Республика-то все-таки богатая. Она же много платит в бюджет России. Вот люди говорили: «Если Куштау будет разрабатываться, львиная доля уйдет в Москву, олигархам уйдет. Нам все равно ничего не останется (информант 17, Башкортостан, 2021).

Это все «Сода» прекратила какие-либо там платить в город, какие-то взносы делать. Дороги все разбитые, природа загублена, ни за что не отвечают, загрязняют природу, еще выкачивают с нас деньги (информант 7, Башкортостан, 2021).

После истощения наземных известняковых запасов Шахтау усилия руководства компании были направлены на снятие охранного статуса с шиханов Торатау и Юрактау. Наличие статуса памятников природы республиканского значения накладывало законодательные ограничения на их промышленную разработку¹¹. Кроме того, БСК указывала на несоответствующее качество сырья Куштау, в результате чего компания планировала начать разработку Торатау. Однако республиканская власть оказалась не готова поддержать требования руководителей компании о снятии охранного статуса с этого шихана¹². Местные жители также выразили недовольство перспективой разработки шихана. В мае 2018 года жители республики провели акцию «Кольцо жизни», целью которой было показать значимость этого места для культуры и истории Башкортостана и обеспокоенность населения сохранностью шихана. Более трех тысяч активистов, взявшись за руки, выстроились вокруг горы и развернули километровый флаг Башкортостана¹³.

С назначением в 2018 году нового главы республики сырьевая проблема БСК была решена: началась разработка шихана Куштау, который на тот момент не имел законодательного статуса памятника природы. С точки зрения активистов такое решение не могло являться выходом из данной ситуации: «Это примерно так же сравнить, что двух старших сыновей спасти, самых красивых, а самого некрасивого, младшего, нам нужно сдать на органы, как бы вот так. Вот такая ассоциация была» (информант 7, Башкортостан, 2021).

В 2019 году БСК получила лицензию на добычу известняка на шихане Куштау, а в августе 2020 года начала вырубку леса для проведения геологоразведочных работ¹⁴. Местные жители оказали сопротивление поднимающейся на гору технике, однако это не остановило начало работ, а только ознаменовало начало противостояния¹⁵. Со стороны защитников шихана выступали местные жители, активисты и

¹¹ Майя Иванова, «Эксперт РАН не обнаружил на шихане культурного наследия», *Коммерсант*, 6 ноября 2021 г., <https://www.kommersant.ru/doc/4149516>.

¹² Булат Баширов, «Соду на воду», *Коммерсант*, 26 августа 2020 г., <https://www.kommersant.ru/doc/4467263>.

¹³ Булат Баширов, «Жители Башкирии провели флешмоб в защиту гор-шиханов», *Коммерсант*, 13 мая 2018 г., <https://www.kommersant.ru/doc/3627961>.

¹⁴ Ирина Самойлова, «Сырьевая компания получила лицензию на разработку гор-шиханов», *Коммерсант*, 14 октября 2019 г., <https://www.kommersant.ru/doc/4125386>.

¹⁵ Наталья Павлова и Влада Шипилова, «Полиция готова горы свернуть», *Коммерсант*, 7 августа 2020 г., <https://www.kommersant.ru/doc/4443786>.

экологи. Со стороны сторонников разработки – руководство компании, частная охрана, воспитанники спортивных учреждений и силовики. Существенную роль в мобилизации сторонников защиты Куштау сыграла национальная организация «Башкорт», занимающаяся защитой прав и интересов башкирского народа. При ее содействии была учреждена специальная организация «Защита Куштау», которая стала непосредственно координировать действия местных жителей. Около шихана был развернут палаточный лагерь активистов. Изначально сопротивление небольшой группы активистов плану компании не рассматривалось республиканским правительством как серьезная угроза политической стабильности в республике.

Местные жители чувствовали себя не услышанными местной властью: «Вообще сейчас к народу не прислушиваются, а это очень плохо. Народ – а мы же на этой земле живем – нас ничего не спросили. К нам вообще отнеслись как к плебейам, а мы не рабы на своей земле. Мы люди» (информант 14, Башкортостан, 2021). Особую роль здесь играло чувство принадлежности к родной земле, на которой именно местные жители должны принимать решения о природопользовании: «Поэтому, если мы живем около подножия горы, мы что, должны были молчать и стоять? Зная это, мы не имели права. Это губится наша природа. Что мы оставим для наших потомков?» (информант 14, Башкортостан, 2021). Руководство и представители компании воспринимались как внешние игроки, осуществляющие на территории республики экстрактивную деятельность. Однако правовых методов защиты шихана оказалось недостаточно для остановки работ: собранные подписи, петиции и обращения в профильные учреждения не дали результата. При отсутствии работающих механизмов применения норм природоохранного законодательства жители вынуждены были обратиться к силе существующих в республике горизонтальных связей: «Я им коротко обрисовал, что [нужно] не только писать письма, куда-то ходить, обращаться в прокуратуру. Почему? Потому что мы ошибочно предполагали, что законы РФ работают. Я им сказал, что не только письмами или обращениями, а нужно подключать общественность» (информант 16, Башкортостан, 2021). Использование неформальных рычагов воздействия на общественное мнение расширило репертуар коллективного действия, усилив значимость требований защитников шихана.

Региональные власти и компания попытались использовать для разгона протестующих силовые методы. Против активистов были брошены силы Росгвардии и сотрудников частных охранных предприятий¹⁶. Однако использование силовых структур вызвало сильное возмущение со стороны многих жителей и способствовало присоединению к протесту большого количества новых участников: «У меня больше мотив был, когда ехала, не столько гора, конечно, я за ее сохранение, но больше меня смотивировало отношение к народу, как к нему относятся в этот момент... Нужно было быть там» (информант 15, Башкортостан, 2021). На пике конфликта количество активных защитников шихана выросло до 10 тысяч человек. Расширение масштабов протеста привлекло внимание федерального центра, ко-

¹⁶ Булат Баширов, «БСК столкнулись с горой противоречий», *Коммерсант*, 11 августа 2020 г., <https://www.kommersant.ru/doc/4450025>.

торый вынудил главу республики оперативно урегулировать возникший конфликт. В разгар противостояния Владимир Путин выступил на правительственном совещании, публично призвав региональную власть разобраться в причинах конфликта, и поддержал протестующих¹⁷. Глава республики Радий Хабиров прибыл на место конфликта и пообещал защитникам Куштау прекратить работы по разработке шихана. По итогам разбирательств шихан Куштау был признан особо охраняемой территорией, а «Башкирская содовая компания» деприватизирована¹⁸.

Причинами, способствовавшими успеху защиты Куштау, были наличие серьезной организационной структуры, занимавшейся мобилизацией участников, широкий резонанс в социальных сетях, ошибочные стратегии руководства региона и компании. Успех движения в защиту Куштау способствовал актуализации вопросов, связанных с сохранением национальной башкирской культуры, и привел к усилению национальной идентичности:

Я очень благодарна Куштау и людям за то, что они подарили веру в себя, в будущее, ну, и в мой народ. В частности, в башкирский. Потому что, честно скажу, я не думала, что люди настолько сильные, ответственные и искренние. Настоящие такие прям защитники, патриоты. Я думала, патриотизм – это что-то такое, чисто из сказок русских народных, такое мифическое (информант 8, Башкортостан, 2021).

Несмотря на то, что в защите Куштау участвовали люди самых разных национальностей, активисты отдельно подчеркивали ведущую роль башкир: «Первый день я вообще никакой разницы не видел, то есть как бы там такого, а здесь вот прямо читалось – люди именно за башкирскую землю, именно башкиры встали» (информант 9, Башкортостан, 2021).

Таким образом, движение в защиту Куштау является ярким примером формирования зеленого национализма в российских регионах. Ядро протеста составляли этнические башкиры, для которых сакральное значение шиханов, их важное место в исторических и культурных нарративах усилили значимость экологических требований по сохранению шихана. Иначе говоря, одной экологической составляющей не всегда достаточно для выстраивания широкого движения в защиту природных памятников. Национальная идентичность имеет не меньшее значение.

АНАЛИЗ КЕЙСОВ

Рассмотренные кейсы представляют собой пример тесного переплетения экологической проблематики и вопросов национальной и культурной идентичности. В обоих случаях важными оказались исторический контекст и институциональные

¹⁷ «Путин на фоне конфликта вокруг Куштау потребовал проверить снижение госдоли в Башкирской содовой компании», *Коммерсант*, 26 августа 2020 г., <https://www.kommersant.ru/doc/4467640>.

¹⁸ «Куштау стал памятником природы», *Фонтанка*, 2 сентября 2020 г., <https://www.fontanka.ru/2020/09/02/69453173/>.

факторы, повлиявшие на недостаточно крепкую защиту национальной культуры на протяжении длительного времени. В то же время апелляция к национальной культуре происходила по разным основаниям. Для коренных народов в ХМАО она была связана с необходимостью сохранить исчезающую культуру, в то время как в Башкирии речь шла о правах титульной нации республики. Коренные жители ХМАО в годы советской власти длительное время подвергались сильному контролю и давлению со стороны государства. Все это привело к частичной утрате национальной культуры и ее обесцениванию. Несмотря на то, что в 1990-е годы был принят ряд федеральных и региональных законов, направленных на сохранение образа жизни коренных народов, положение представителей их остается уязвимым. Коренные жители подчеркивают, что большинство решений, затрагивающих их образ жизни, принимаются без их реального участия: «Они [компания] просто хотят все по-своему делать. Они приносят мне договора, мотивируя тем, что они так решили. Как решили, если ни одного жителя коренного там не присутствовало» (информант 2, ХМАО, 2017).

Башкортостан как этническая республика представляет пример столкновения федеральных и национальных интересов. Официальный статус национальной республики, предполагающий учет исторических и культурных особенностей территории, не всегда позволяет избежать конфликтов, связанных с обсуждением объема республиканских полномочий, а также вопросов культурной ассимиляции доминирующим этносом. Так, конфликту из-за Куштау предшествовала языковая реформа 2018 года, которая способствовала ограничению преподавания национальных языков и была воспринята частью населения республики как наступление на культурную автономию. Проведение языковой реформы в 2018 году вызвало усиление национального движения в республике: «Это тревожные моменты для народа башкир, дети мои вот, двое, разговаривают только на русском» (информант 16, Башкортостан, 2021). Основной мобилизующей структурой стала национальная организация «Башкорт», защищающая интересы и права башкирского народа. Защита Куштау рассматривалась протестующими в том числе и как защита башкирской культуры и наследия народа Башкортостана.

Экологическая составляющая конфликтов была связана с пониманием населением ценности природы. Важно сказать, что локальная экологическая повестка для местных жителей обладала значительно большим мобилизационным потенциалом, чем глобальный экологический дискурс. Местные жители подчеркивали зависимость их собственного благополучия от природы. Во многих интервью информанты говорили о том, что для них важны чистые реки и озера, в которых водится рыба; леса, в которых можно собирать грибы или охотиться; чистый воздух, который не станет фактором потенциального риска развития онкологических заболеваний; красивые места, где можно отдохнуть и полюбоваться природой. Тем не менее некоторые участники конфликтов обладали определенными научными знаниями и имели представления о важности сохранения ценных экосистем для экологического баланса, о связи с глобальными экологическими проблемами. В этом случае информанты оперировали такими понятиями, как «уникальные природные объекты мирового значения», «био-

разнообразие», «краснокнижные виды» и пр. Эти представления сформировались под влиянием международного дискурса о глобальных экологических проблемах при участии экспертов экологических организаций, а также глобальных игроков (в частности, «Гринпис»). В этом случае проникновение глобальных экологических ценностей на локальный уровень увеличивало обеспокоенность граждан состоянием окружающей среды на своей территории и усиливало обоснованность их требований.

В обоих случаях значимость природных территорий для местных жителей была обусловлена устойчивыми – историческими и культурными – связями с этими землями. Информанты указывали на зависимость между сохранением своих земель и национальной культурой. Так, для коренных народов Севера возможность поддерживать традиционный образ жизни обеспечивается проживанием на исконных территориях обитания. Часть информантов подчеркивала религиозную значимость этих территорий. В случае с Куштау акцент делали на представлениях о родной земле, на сохранение этих земель для будущих поколений, их сакральный характер. И озеро Нумто, и шихан Куштау считались священными и служили местом проведения религиозных обрядов. В обоих случаях информанты говорили о важности сохранения земель предков и связывали это со своей ответственностью за них:

Либо ты будешь человеком, который когда-то предал эту гору, сдал ее, и твоим потомкам всегда будут тыкать в лицо, что твой там отец или твой дед, твой прадед когда-то продал эту гору, сдал ее (информант 7, Башкортостан, 2021).

Наша территория сокращается и, если нам не принимать мер в срочном порядке, то нас ждет исчезновение. Как мне отец передал землю, так и я своим детям хочу (информант 2, ХМАО, 2017).

В обоих случаях требования протестующих были тесно связаны с представлениями о социальной несправедливости происходящего. Местные жители в интервью подчеркивали неравномерность распределения выгод и издержек от добычи природных ресурсов между представителями власти и компаний, с одной стороны, и местными жителями – с другой. Ряд информантов подчеркивали, что экологическая проблематика стала для них важной именно в связке с представлениями о несправедливом отношении власти к населению. Так, многие участники защиты Куштау присоединились к акциям после того, как увидели насилие со стороны представителей силовых структур по отношению к простым гражданам: «Многие говорят, что в этих акциях ничего не видели. Ну, вот, когда они увидели, что наших, так сказать, бьют, может, сработал какой-то такой мотив» (информант 12, Башкортостан, 2021).

Рассматриваемые кейсы различались по стратегиям участников и результатам протеста. В ХМАО основной движущей силой выступила экологическая организация «Гринпис», которая стремилась использовать такие правовые рычаги воздействия, как обращения в прокуратуру, процедура общественных слушаний и тому подобное. Сами немногочисленные местные жители мало участвовали в за-

щите своих интересов: мешали слабая самоорганизация местного населения и плохое знание правовых инструментов. Кроме того, «Сургутнефтегаз» оперативно среагировал на недовольство коренных жителей и попытался в некоторой степени учесть их требования. В Башкортостане основной мобилизующей силой стала национальная организация «Башкорт», которой удалось организовать прямые акции протестов. Когда выяснилось, что правовые механизмы неэффективны и прямые выступления результативнее, выбор был сделан в пользу последних. Протесты в защиту Куштау были значительно более масштабными и закончились победой протестующих.

Успех или неудача противостояния в рассматриваемых случаях могут также объясняться и плотностью неопатримониальных связей. В ХМАО оперировала одна из крупнейших российских нефтегазовых компаний. Это обстоятельство делает ее значимым для федеральной власти игроком. БСК, между тем, не обладает такими экономическими и политическими возможностями. Федеральный центр, убедившись в масштабности протеста в Башкирии, был вынужден прибегнуть к стратегии смещения вины, выступив в поддержку протестующих.

Успех движения в Башкирии стал источником веры активистов в свои силы и гордости за участие в общем деле. Он способствовал созданию определенной мифологии, через призму которой люди стали воспринимать и объяснять происходящие события.

Он [глава республики] стоял, когда приехал на Куштау, перед народом отчитывался, как раз пошел дождь. Я вот даже считаю, что это знак свыше. Аллах его просто наказывал за все, что он совершил, грех вот этот. Сколько людей пострадало, сколько плакало, сколько слез было пролито, сколько там людей избито было. Вот Он его с ног до головы вымочил при всех (информант 7, Башкортостан, 2021).

Это укрепило невидимые связи участников как некоей общности, и «воображаемое сообщество» приобрело осязаемые очертания. Появились границы, на основе которых произошло размежевание «мы – они»: любовь к своей земле, историческая связь с ней, готовность отстаивать права своих сограждан. В некоторых интервью речь шла о формировании общегражданских ценностей, объединивших людей разных национальностей: «Вот тогда мы были объединены одним духом, духом народа Республики Башкортостан» (информант 16, Башкортостан, 2021).

Некоторые информанты апеллировали к этническим основаниям сложившейся солидарности. Они подчеркивали ведущую роль башкирского народа в протестах и говорили о появлении интереса к истории и культуре своего народа: «У меня после Куштау такое появилось желание сохранять свой народ, то есть мне хочется сберечь прямо именно башкир, потому что, ну, я понимаю то, что люди на самом деле беззащитны» (информант 8, Башкортостан, 2021).

Рассмотренные примеры показывают, что экологическая проблематика оказывается востребована гражданами сырьевого государства. Она может стать особенно сильной мобилизующей силой в связке с представлениями о социальной несправедливости и необходимости сохранения национальной культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ЗЕЛЕНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СЫРЬЕВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Национализм претерпел сильные изменения в глобальном мире, но, вопреки многим прогнозам, не утратил своей привлекательности, а неожиданно получил новые основания для дальнейшего развития. Обеспокоенность глобального мира экологической проблематикой принесла новые способы поддержания национальной идентичности, которые получили название «зеленый национализм». Однако в разных странах зеленый национализм был обусловлен разными причинами и принял разные формы. В ряде стран, таких как Германия или Финляндия, его развитие произошло на основе формирования политическими элитами общегражданской идеи о вкладе нации в спасение природы планеты (Bodemann 1985/86). Для российских властей менее свойственно обращение к зеленой проблематике при конструировании идей национальной общности. В первой половине 2000-х в выступлениях российских политических лидеров достаточно часто встречалась апелляция к природе и природным ресурсам в контексте их использования для поддержания национальной безопасности страны, а также энергетической безопасности всего мира. Так, в середине 2000-х годов активно продвигались идеи о поддержании Россией энергетической безопасности во всем мире за счет добычи газа и нефти, что в большей степени коррелирует с идеями ресурсного национализма (Rutland 2015). В то же время экологическая проблематика оказалась востребована на локальном уровне при защите интересов меньшинств.

Можно выделить несколько основных условий, обеспечивающих востребованность зеленого национализма в российских регионах. Во-первых, природа и природные ресурсы для граждан сырьевого государства являются важной составляющей представлений о своей стране. Природные ресурсы в таком контексте воспринимаются населением как основа его материального благополучия и национальной безопасности. В то же время это способствует тому, что природа и природные ресурсы начинают рассматриваться как национальное достояние, что усиливает развитие природоохранных дискурсов.

Во-вторых, экологическая проблематика легко увязывается с вопросами национальной или субнациональной идентичности и автономии. Многие лозунги протестующих против промышленного освоения природных территорий коррелируют с призывами сохранить родную землю, землю предков. Так, в Башкортостане в 2019–2020 годах движение в защиту Куштау последовало за уменьшением полномочий национальной автономии, а основной мобилизующей структурой, продвигавшей экологические требования, стало национальное движение «Башкорт». Для защитников Куштау тема сохранения земли предков была одной из ключевых. Значимыми оказались национальные мотивы и связь Куштау с традициями и культурой башкир. В ХМАО, несмотря на наличие хорошей законодательной базы, реализация отдельных законов по защите интересов коренных народов затруднена. Речь идет о таких проблемных вопросах, как выделение мест традиционного природопользования коренных народов и участие коренных жителей в принятии решений, затрагивающих их среду обитания. Коренные жители увязывали вопрос сохранения природных территорий с возможностью вести традиционный образ жизни и, соответствен-

но, сохранять свой национальный язык. Они апеллировали также к важности сохранения священных мест. Подобные проблемы поднимались коренными народами и ранее. Серьезные протесты коренных народов в конце 1990-х годов развернулись в Ямало-Ненецком автономном округе, в начале 2000-х – на Сахалине. Таким образом, недостаток автономии или правовой защиты интересов отдельных групп усиливает протестную активность.

В-третьих, защита определенной природной территории от промышленного освоения подкрепляется представлениями о социальной несправедливости в отношении распределения ресурсной ренты. Чрезмерная эксплуатация природных ресурсов политическими и экономическими элитами может привести к недовольству населения, которое усиливается неравномерностью распределения сырьевой ренты. Участники протестов высказывали недовольство тем, что основные выгоды от добычи природных ресурсов получают представители политической и экономической элиты, в то время как основные издержки, связанные с ухудшением состояния окружающей среды, достаются местным жителям. Так, ненцы и ханты, выступавшие против нефтедобычи в ХМАО, подчеркивали, что большая часть населения региона, живя «на нефти», продолжает отапливать свои дома с помощью дров и не имеет даже базовых условий для комфортного проживания.

В-четвертых, заметное влияние оказали международные тенденции, связанные с обеспокоенностью состоянием окружающей среды. В ХМАО важным участником конфликта являлась международная некоммерческая негосударственная организация «Гринпис», отстаивавшая такие глобальные ценности, как сохранение экосистем и биоразнообразия. В Башкортостане часть участников протестов тоже говорила о значимости экологических ценностей как таковых и связывала это с глобальными дискурсами ухудшения состояния окружающей среды на планете.

Наконец, в обществах, где доступ граждан к политике жестко контролируется и регулируется властью, экологическая проблематика становится тем пространством, где можно включиться в общественную деятельность, выразить свой протест против социальной несправедливости и невозможности полноценного участия в принятии решений. Зачастую государство рассматривает экологический протест как наименее опасный. Так, лояльность власти к экологической проблематике способствовала развитию сильного природоохранного движения в позднем Советском Союзе, когда реальное общественное участие было возможно преимущественно в безобидной для власти экологической сфере. Для сегодняшней ситуации также характерна большая лояльность власти к экологическим протестам, чем к иным их видам. Власть более охотно отвечает на требования участников экологических протестов, поскольку во многом эти требования связаны с решением какой-то локальной проблемы (защита определенной природной территории). Ее решение позволяет снять социальное напряжение, но избежать более серьезных институциональных изменений. В свою очередь население, не всегда имея возможность в условиях авторитарного государства открыто проявлять свое недовольство существующей социально-политической ситуацией, делает это через обращение к экологической проблематике. В таком случае под экологической оболочкой могут прятаться национальные, политические, социально-экономические противоречия.

Таким образом, экологическая проблематика рассматривается властью как наиболее безобидное поле для общественной активности, но при этом может являться основой для формирования активной гражданской и политической позиции участников. Экологическая проблематика оказывается все более востребованной в российских регионах под влиянием общемировой обеспокоенности состоянием окружающей среды, с одной стороны, и в условиях поиска своей локальной идентичности – с другой. Переплетаясь с вопросами национальной/субнациональной идентичности и с представлениями о несправедливом распределении природной ренты в обществе, она оказывается серьезным инструментом политической мобилизации общества. Такого рода эффекты наиболее ярко проявляются в сырьевом государстве и способствуют тому, что экологическая сфера становится все более политизированной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брагинский, Олег. 2008. «Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику». *Российский химический журнал* 52(6):25–36.
- Гельман, Владимир. 2015. «“Порочный круг” постсоветского неопатримониализма». *Общественные науки и современность* 6:34–44.
- Заостровцев, Андрей. 2010. «Нефть, погоня за рентой и права собственности». С. 3–30 в *Нефть, газ, модернизация общества*, под ред. Николая Добронравина и Отара Марганя. СПб.: Экономическая школа ГУ ВШЭ.
- Рогов, Кирилл. 2014. «Ресурсный национализм. Политэкономия реакции». *Ведомости*, 8 октября. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/08/politekonomiya-reakcii>.
- Росс, Майкл. 2015. *Нефтяное проклятие: Как богатые запасы углеводородного сырья задают направление развития государств*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Эткинд, Александр. 2013. «Петромачо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве». *Неприкосновенный запас* 2:88–110.
- Balzer, Marjorie Mandelstam. 2010. “Indigenous Politics, Economics, and Ecological Change in Siberia.” *Georgetown Journal of International Affairs* 11(1):27–36.
- Bodemann, Y. Michal. 1985/86. “The Green Party and the New Nationalism in the Federal Republic of Germany.” *Socialist Register* 22:137–157. <https://socialistregister.com/index.php/srv/article/view/5523>.
- Calhoun, Craig. 1993. “Nationalism and Ethnicity.” *Annual Review of Sociology* 19(1):211–239. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.19.080193.001235>.
- Clardie, Justin. 2022. “Protests in Russia’s Regions: The Influence of Regional Governance.” *Social Science Quarterly* 103(1):5–17. <https://doi.org/10.1111/ssqu.13119>.
- Conversi, Danieli. 2020. “The Ultimate Challenge: Nationalism and Climate Change.” *Nationalities Papers* 48(4):625–636. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.18>.
- Conversi, Danieli, and Mark Friis Hau. 2021. “Green Nationalism: Climate Action and Environmentalism in Left Nationalist Parties.” *Environmental Politics* 30(7):1089–1110. <https://doi.org/10.1080/09644016.2021.1907096>.
- Dawson, Jane. 1996. *Eco-Nationalism*. Durham, NC: Duke University Press.
- Doose, Katja. 2019. “Green Nationalism? The Transformation of Environmentalism in Soviet Armenia, 1969–1991.” *Ab Imperio* 1:181–205. <https://doi.org/10.1353/imp.2019.0010>.
- Etkind, Alexander. 2011. “Barrels of Fur: Natural Resources and the State in the Long History of Russia.” *Journal of Eurasian Studies* 2(2):164–171. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.03.007>.
- Etkind, Alexander. 2014. “Post-Soviet Russia: The Land of the Oil Curse, Pussy Riot, and Magical Historicism.” *Boundary 2* 41(1):153–170. <https://doi.org/10.1215/01903659-2409712>.

- Fowler, Carwyn, and Rhys Jones. 2005. "Environmentalism and Nationalism in the UK." *Environmental Politics* 14(4):541–545. <https://doi.org/10.1080/09644010500215407>.
- Fowler, Carwyn, and Rhys Jones. 2006. "Can Environmentalism and Nationalism Be Reconciled? The Plaid Cymru/Green Party Alliance, 1991–95." *Regional & Federal Studies* 16(3):315–331. <https://doi.org/10.1080/13597560600852524>.
- Gelman, Vladimir. 2011. "State Power, Governance, and Local Regimes in Russia: A Framework for Analysis." *Russian Politics & Law* 49(4):42–52. <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940490405>.
- Hennink, Monique, Inge Hutter, and Ajay Bailey. 2020. *Qualitative Research Methods*. Los Angeles: Sage.
- Jones, Ryan Tucker. 2019. "When Environmentalists Crossed the Strait." *RCC Perspectives* 5:81–88.
- Kee, Robert. 2000. *The Green Flag: A History of Irish Nationalism*. London: Penguin.
- Lubarda, Balsa. 2018. "Polluting Outsiders: Green Nationalism as a Concept-Case Study: Latvia." *Current Debates in Public Finance Public Administration & Environmental Studies* 13(13):436–446.
- Malloy, Tove. 2009. "Minority Environmentalism and Eco-Nationalism in the Baltics: Green Citizenship in the Making?" *Journal of Baltic Studies* 40(3):375–395. <https://doi.org/10.1080/01629770903086269>.
- Margulies, Morgan. 2021. "Eco-Nationalism." *Consilience* 23:22–29. <https://doi.org/10.7916/consilience.vi23.6226>.
- Nysten-Haarala, Soili. 2018. "Arctic Railway Threatening Reindeer Herding." *Retfærd* 41(2):66–69.
- Plantan, Elizabeth. 2018. "Mass Mobilization in China and Russia: From Unexpected Victories to Unintended Consequences." *Russian Politics* 3(4):513–547. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00304004>.
- Podoba, Juray. 1998. "Rejecting Green Velvet: Transition, Environment and Nationalism in Slovakia." *Environmental Politics* 7(1):129–144. <https://doi.org/10.1080/09644019808414376>.
- Poupin, Perrine. 2021. "Social Media and State Repression: The Case of VKontakte and the Antigarbage Protest in Shies, in Far Northern Russia." *First Monday* 26(5). <https://doi.org/10.5210/fm.v26i5.11711>.
- Pryke, Sam. 2017. "Explaining Resource Nationalism." *Global Policy* 8(4):474–482. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12503>.
- Radkau, Joachim. 2009. *Nature and Power: A Global History of the Environment*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Remmel, Atko, and Tonno Jonuks. 2021. "From Nature Romantism to Eco-Nationalism: The Development of the Concept of Estonians as a Forest Nation." *Folklore* 14060957(81). https://doi.org/10.7592/FEJF2021.81.remmel_jonuks.
- Ridanpää, Juha. 2021. "Carbon Footprint Nationalism: Re-conceptualizing Finnish Nationalism and National Pride through Climate Change Discourse." *National Identities* 24(4):429–446. <https://doi.org/10.1080/14608944.2021.1937974>.
- Rogers, Douglas. 2015. *The Depth of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Rutland, Peter. 2010. "Ethnicity Policy in Russia." Pp. 116–136 in *Institutions, Ideas and Leadership in Post-Soviet Russia*, edited by Julie Newton and William Tompson. London: Palgrave Macmillan.
- Rutland, Peter. 2015. "Petronation? Oil, Gas, and National Identity in Russia." *Post-Soviet Affairs* 31(1):66–89. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.952537>.
- Sharafutdinova, Gulnaz. 2011. *Political Consequences of Crony Capitalism inside Russia*. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press.
- Simpson, Catherine. 2010. "Australian Eco-Horror and Gaia's Revenge: Animals, Eco-Nationalism and the 'New Nature.'" *Studies in Australasian Cinema* 4(1):43–54. https://doi.org/10.1386/sac.4.1.43_1.
- Smith, Anthony. 1979. *Nationalism in the Twentieth Century*. Canberra: Australian National University Press.
- Smith, Anthony. 1998. *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*. London: Routledge.

- Stammler, Florian, and Vladislav Peskov. 2008. "Building a 'Culture of Dialogue' among Stakeholders in North-West Russian Oil Extraction." *Europe-Asia Studies* 60(5):831–849. <https://doi.org/10.1080/09668130802085182>.
- Tishkov, Valery. 1997. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame*. London: Sage.
- Tishkov, Valery. 2008. "The Russian People and National Identity." *Russia in Global Affairs* 3. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-russian-people-and-national-identity/>.
- Tulaeva, Svetlana, and Soili Nysten-Haarala. 2019. "Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements." *Resources* 8:86–106. <https://doi.org/10.3390/resources8020086>.
- Tulaeva, Svetlana, and Maria Tysiachniouk. 2017. "Benefit-Sharing Arrangements between Oil Companies and Indigenous People in Russian Northern Regions." *Sustainability* 9(8):1326–1347. <https://doi.org/10.3390/su9081326>.
- Young, Sokphea. 2019. "Social Movements in Cambodia: Why They Succeed or Fail." *Journal of International Relations and Development* 23(4):899–923. <https://doi.org/10.1057/s41268-019-00175-7>.
- Yusupova, Guzel. 2018. "Cultural Nationalism and Everyday Resistance in an Illiberal Nationalising State: Ethnic Minority Nationalism in Russia." *Nations and Nationalism* 24(3):624–647. <https://doi.org/10.1111/nana.12366>.
- Wilson, Emma. 2006. "New Frontiers for the Oil and Gas Industry: Company-Community Relations on Sakhalin Island." *Cambridge Anthropology* 26(2):13–33.
- Wilson, Jeffrey. 2015. "Understanding Resource Nationalism: Economic Dynamics and Political Institutions." *Contemporary Politics* 21(4):399–416. <https://doi.org/10.1080/13569775.2015.1013293>.
- Wooden, Amanda E. 2013. "Another Way of Saying Enough: Environmental Concern and Popular Mobilization in Kyrgyzstan." *Post-Soviet Affairs* 29(4):314–353. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.797165>.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Информант	Сфера деятельности	Регион	Год
Информант 1	Местная жительница	ХМАО	2017
Информант 2	Местный житель	ХМАО	2017
Информант 3	Местная жительница	ХМАО	2017
Информант 4	Сотрудник местной газеты	ХМАО	2017
Информант 5	Местный житель	ХМАО	2017
Информант 6	Общественный активист	ХМАО	2017
Информант 7	Активист	Башкортостан	2021
Информант 8	Местная жительница	Башкортостан	2021
Информант 9	Местный житель	Башкортостан	2021
Информант 10	Активист	Башкортостан	2021
Информант 11	Местный житель, дальнобойщик	Башкортостан	2021
Информант 12	Местный житель, вахтовик	Башкортостан	2021
Информант 13	Местный житель, общественный деятель	Башкортостан	2021
Информант 14	Местная жительница, педагог	Башкортостан	2021
Информант 15	Местная жительница	Башкортостан	2021
Информант 16	Местный житель, активист	Башкортостан	2021
Информант 17	Местный житель, активист	Башкортостан	2021

GREEN NATIONALISM IN A RESOURCE-BASED STATE: ENVIRONMENTAL AGENDA AND NATIONAL IDENTITY IN RUSSIAN REGIONS

Svetlana Tulaeva, Yaroslav Snarski

Svetlana Tulaeva, Department of Geographical and Historical Studies, University of Eastern Finland. Address for correspondence: University of Eastern Finland, P.O. Box 111, 80101 Joensuu, Finland. svett07@mail.ru.

Yaroslav Snarski, HSE University. Address for correspondence: HSE University, kanal Griboedova, 123, Saint Petersburg, 191187, Russia. yaroslav1861@gmail.com.

Part of the materials for this article was collected under the project "Diversities of the Environmental Movement and Its Impact on Sustainable Development in Russia," supported by Kone Foundation (grant No. 202005986).

The growth of global environmental problems and the strengthening of environmental rhetoric in the world have led to the awareness of the environmental issues among ordinary citizens. In many societies, the growing interest in environmental issues coincided with the reincarnation of nationally charged discourses. This led to the emergence of such a political hybrid as green nationalism. Green nationalism is understood as a movement focused on environmental demands related to the advancement of national or sub-national interests, as well as the protection of minority interests. It is based on rhetoric that addresses national attributes such as territorial identity and cultural cohesion, as well as environmental issues. Its development can take place according to different scenarios: "from the top down" due to the efforts of political elites to form civic nationalism based on ideas about the nation's contribution to solving global environmental problems, or "from the bottom up" through the actualization and protection of the interests of the minority. However, the study of the phenomenon of green nationalism entails the need to comprehend several important paradoxes. The first paradox is based on the clash of global and local interests. On the one hand, environmentalism is a global movement focused on solving such global environmental problems as climate change, pollution of seas and oceans, and deforestation. On the other hand, environmental issues create opportunities for strengthening national or local identity. The second paradox is determined by the influence of the political regime on the importance of environmental concerns for societies. Traditionally, it is believed that environmental values are successfully formed and maintained in societies with a democratic regime. However, environmental issues are also discussed under hybrid or authoritarian political regimes. In the situation where open political protest is impossible, subnational movements for political autonomy and national independence can take the form of environmental protests. The third paradox is associated with the peculiarities of the perception of natural resources in states that are dependent on their extraction. On the one hand, natural resources are the basis of economic well-being in such societies, which legitimizes the consumer logic of dealing with nature. On the other hand, in such states, the importance

of nature as a national treasure is emphasized, which contributes to the development of environmental activities. Our article provides answers to the following research questions: How does the global environmental agenda lead to an intensification of nationalist discourses? Why does green nationalism emerge and successfully develop in a resource-based state? Why is environmentalism, usually oriented toward democratic values, in demand in authoritarian states?

These issues will be considered in the article on the examples of environmental conflicts and protests in Russian regions, which are closely related to the maintenance of national or subnational identity. The main cases for the analysis were protests against the development of the Shikhan Kushtau in Bashkiria (2020) and conflicts of the Indigenous peoples of the North with the oil company in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (2017). The research was carried out on the basis of qualitative methodology. The main research methods were semistructured interviews with protesters. The results of the study show that environmental issues are becoming a serious tool for mobilizing society as they entwine with issues of national/subnational identity, as well as ideas about social justice.

Keywords: Green Nationalism; Resource Nationalism; Environmental Conflicts and Protests; Resource-Based State

REFERENCES

- Balzer, Marjorie Mandelstam. 2010. "Indigenous Politics, Economics, and Ecological Change in Siberia." *Georgetown Journal of International Affairs* 11(1):27–36.
- Bodemann, Y. Michal. 1985/86. "The Green Party and the New Nationalism in the Federal Republic of Germany." *Socialist Register* 22:137–157. <https://socialistregister.com/index.php/srv/article/view/5523>.
- Braginskii, Oleg. 2008. "Tseny na neft': Istoriia, prognoz, vliianie na ekonomiku." *Rossiiskii khimicheskii zhurnal* 52(6):25–36. <http://www.chemnet.ru/rus/journals/jvho/2008-6/25.pdf>.
- Calhoun, Craig. 1993. "Nationalism and Ethnicity." *Annual Review of Sociology* 19(1):211–239. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.19.080193.001235>.
- Clardie, Justin. 2022. "Protests in Russia's Regions: The Influence of Regional Governance." *Social Science Quarterly* 103(1):5–17. <https://doi.org/10.1111/ssqu.13119>.
- Conversi, Danieli. 2020. "The Ultimate Challenge: Nationalism and Climate Change." *Nationalities Papers* 48(4):625–636. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.18>.
- Conversi, Danieli, and Mark Friis Hau. 2021. "Green Nationalism: Climate Action and Environmentalism in Left Nationalist Parties." *Environmental Politics* 30(7):1089–1110. <https://doi.org/10.1080/09644016.2021.1907096>.
- Dawson, Jane. 1996. *Eco-Nationalism*. Durham, NC: Duke University Press.
- Doose, Katja. 2019. "Green Nationalism? The Transformation of Environmentalism in Soviet Armenia, 1969–1991." *Ab Imperio* 1:181–205. <https://doi.org/10.1353/imp.2019.0010>.
- Etkind, Alexander. 2011. "Barrels of Fur: Natural Resources and the State in the Long History of Russia." *Journal of Eurasian Studies* 2(2):164–171. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.03.007>.
- Etkind, Alexander. 2013. "Petromacho, ili Mekhanizmy demodernizatsii v resursnom gosudarstve." *Neprikosnovennyi zapas* 2:88–110.
- Etkind, Alexander. 2014. "Post-Soviet Russia: The Land of the Oil Curse, Pussy Riot, and Magical Historicism." *Boundary 2* 41(1):153–170. <https://doi.org/10.1215/01903659-2409712>.
- Fowler, Carwyn, and Rhys Jones. 2005. "Environmentalism and Nationalism in the UK." *Environmental Politics* 14(4):541–545. <https://doi.org/10.1080/09644010500215407>.
- Fowler, Carwyn, and Rhys Jones. 2006. "Can Environmentalism and Nationalism Be Reconciled? The Plaid Cymru/Green Party Alliance, 1991–95." *Regional & Federal Studies* 16(3):315–331. <https://doi.org/10.1080/13597560600852524>.

- Gelman, Vladimir. 2011. "State Power, Governance, and Local Regimes in Russia: A Framework for Analysis." *Russian Politics & Law* 49(4):42–52. <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940490405>.
- Gelman, Vladimir. 2015. "'Porochnyi krug' postsovetskogo neopatrimonializma." *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 6:34–44.
- Hennink, Monique, Inge Hutter, and Ajay Bailey. 2020. *Qualitative Research Methods*. Los Angeles: Sage.
- Jones, Ryan Tucker. 2019. "When Environmentalists Crossed the Strait." *RCC Perspectives* 5:81–88.
- Kee, Robert. 2000. *The Green Flag: A History of Irish Nationalism*. London: Penguin.
- Lubarda, Balsa. 2018. "Polluting Outsiders: Green Nationalism as a Concept-Case Study: Latvia." *Current Debates in Public Finance Public Administration & Environmental Studies* 13(13):436–446.
- Malloy, Tove. 2009. "Minority Environmentalism and Eco-Nationalism in the Baltics: Green Citizenship in the Making?" *Journal of Baltic Studies* 40(3):375–395. <https://doi.org/10.1080/01629770903086269>.
- Margulies, Morgan. 2021. "Eco-Nationalism." *Consilience* 23:22–29. <https://doi.org/10.7916/consilience.vi23.6226>.
- Nysten-Haarala, Soili. 2018. "Arctic Railway Threatening Reindeer Herding." *Retfærd* 41(2):66–69.
- Plantan, Elizabeth. 2018. "Mass Mobilization in China and Russia: From Unexpected Victories to Unintended Consequences." *Russian Politics* 3(4):513–547. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00304004>.
- Podoba, Juray. 1998. "Rejecting Green Velvet: Transition, Environment and Nationalism in Slovakia." *Environmental Politics* 7(1):129–144. <https://doi.org/10.1080/09644019808414376>.
- Poupin, Perrine. 2021. "Social Media and State Repression: The Case of VKontakte and the Antigargabe Protest in Shies, in Far Northern Russia." *First Monday* 26(5). <https://doi.org/10.5210/fm.v26i5.11711>.
- Pryke, Sam. 2017. "Explaining Resource Nationalism." *Global Policy* 8(4):474–482. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12503>.
- Radkau, Joachim. 2009. *Nature and Power: A Global History of the Environment*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Remmel, Atko, and Tonno Jonuks. 2021. "From Nature Romantism to Eco-Nationalism: The Development of the Concept of Estonians as a Forest Nation." *Folklore* 14060957(81). https://doi.org/10.7592/FEJF2021.81.remmel_jonuks.
- Ridanpää, Juha. 2021. "Carbon Footprint Nationalism: Re-conceptualizing Finnish Nationalism and National Pride through Climate Change Discourse." *National Identities* 24(4):429–446. <https://doi.org/10.1080/14608944.2021.1937974>.
- Rogers, Douglas. 2015. *The Depth of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Rogov, Kirill. 2014. "Resursnyi natsionalizm: Politekonomiia reaktcii." *Vedomosti*, October 8. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/08/politekonomiya-reakcii>.
- Ross, Michael. 2015. *Neftianoe proklatie: Kak bogatye zapasy uglevodorodnogo syr'ia zadaiut napravlenie razvitiia gosudarstv*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara.
- Rutland, Peter. 2010. "Ethnicity Policy in Russia." Pp. 116–136 in *Institutions, Ideas and Leadership in Post-Soviet Russia*, edited by Julie Newton and William Tompson. London: Palgrave Macmillan.
- Rutland, Peter. 2015. "Petronation? Oil, Gas, and National Identity in Russia." *Post-Soviet Affairs* 31(1):66–89. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.952537>.
- Sharafutdinova, Gulnaz. 2011. *Political Consequences of Crony Capitalism inside Russia*. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press.
- Simpson, Catherine. 2010. "Australian Eco-Horror and Gaia's Revenge: Animals, Eco-Nationalism and the 'New Nature.'" *Studies in Australasian Cinema* 4(1):43–54. https://doi.org/10.1386/sac.4.1.43_1.

- Smith, Anthony. 1979. *Nationalism in the Twentieth Century*. Canberra: Australian National University Press.
- Smith, Anthony. 1998. *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*. London: Routledge.
- Stammler, Florian, and Vladislav Peskov. 2008. "Building a 'Culture of Dialogue' among Stakeholders in North-West Russian Oil Extraction." *Europe-Asia Studies* 60(5):831–849. <https://doi.org/10.1080/09668130802085182>.
- Tishkov, Valery. 1997. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame*. London: Sage.
- Tishkov, Valery. 2008. "The Russian People and National Identity." *Russia in Global Affairs* 3. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-russian-people-and-national-identity/>.
- Tulaeva, Svetlana, and Soili Nysten-Haarala. 2019. "Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements." *Resources* 8:86–106. <https://doi.org/10.3390/resources8020086>.
- Tulaeva, Svetlana, and Maria Tysiachniouk. 2017. "Benefit-Sharing Arrangements between Oil Companies and Indigenous People in Russian Northern Regions." *Sustainability* 9(8):1326–1347. <https://doi.org/10.3390/su9081326>.
- Young, Sokphea. 2019. "Social Movements in Cambodia: Why They Succeed or Fail." *Journal of International Relations and Development* 23(4):899–923. <https://doi.org/10.1057/s41268-019-00175-7>.
- Yusupova, Guzel. 2018. "Cultural Nationalism and Everyday Resistance in an Illiberal Nationalising State: Ethnic Minority Nationalism in Russia." *Nations and Nationalism* 24(3):624–647. <https://doi.org/10.1111/nana.12366>.
- Wilson, Emma. 2006. "New Frontiers for the Oil and Gas Industry: Company-Community Relations on Sakhalin Island." *Cambridge Anthropology* 26(2):13–33.
- Wilson, Jeffrey. 2015. "Understanding Resource Nationalism: Economic Dynamics and Political Institutions." *Contemporary Politics* 21(4):399–416. <https://doi.org/10.1080/13569775.2015.1013293>.
- Wooden, Amanda E. 2013. "Another Way of Saying Enough: Environmental Concern and Popular Mobilization in Kyrgyzstan." *Post-Soviet Affairs* 29(4):314–353. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.797165>.
- Zaostrovsev, Andrei. 2010. "Neft': Pogonia za rentoi i prava sobstvennosti." Pp. 3–30 in *Neft', gaz, modernizatsiia obshchestva*, edited by O. L. Marganiya and N. A. Dobronravina. Saint Petersburg, Russia: Ekonomicheskaja shkola.